

УДК 81'36=512.31

DOI 10.25587/SVFU.2022.96.63.009

*Н. Б. Даржаева*

## Несоюзные функции форм вспомогательного глагола речи гэ- в бурятском языке

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия  
E-mail: dnadezhda@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются несоюзные функции грамматикализованных инфинитных и финитных форм от глагола речи гэ- 'говорить' в бурятском языке. Актуальность исследования определяется чрезвычайно важной ролью дицендиального глагола на уровне как простого, так и сложного предложения в монгольских языках. Поскольку значительная часть системы союзных средств базируется именно на инфинитных формах этого глагола, то союзные функции исследованы в первую очередь, а несоюзные функции остаются в тени. Для выявления и описания последних решались следующие задачи: изучить работы синтаксистов на материале других монгольских языков, провести анализ бурятского корпусного материала, классифицировать случаи несоюзного употребления инфинитных и финитных форм глагола речи гэ-. Материалом исследования послужили современные словари и оригинальные художественные тексты на бурятском языке, размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты анкетирования носителей языка. Применялись следующие методы исследования: лингвистическое наблюдение, интроспекция, описание, метод компонентного анализа, метод корпусного анализа. В итоге выявились различные направления грамматикализации форм глагола речи гэ-: включение слов, фокусное выделение слов, маркирование логического вывода, привлечение внимания, выражение эмоций, роль вспомогательного глагола в аналитических конструкциях. При этом инфинитные и финитные формы зачастую утрачивают связь с исходным глаголом речи гэ-, грамматикализуясь в различные частицы. В центре описания находятся две наиболее грамматикализованные частицы гээшэ и гэшиэ, образованные от фокусных причастий на -АашА и -гшА. Несоюзные функции этих частиц во многом обусловлены значениями их составляющих: глагола речи гэ- и выделительных причастий.

*Ключевые слова:* монгольские языки, бурятский язык, морфология, синтаксис, грамматикализация, союзы, союзные слова, частицы, дицендиальный глагол, несоюзные функции.

Благодарности: автор выражает глубокую благодарность информантам и д. филол. н., профессору Е. К. Скрибник за консультации и ценные замечания.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9.*

Для цитирования: Даржаева, Н. Б. Несоюзные функции форм вспомогательного глагола речи гэ- в бурятском языке / Н. Б. Даржаева // Вестник СВФУ. 2022, №4(90). С. 78–88. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.96.63.009>

*N. B. Darzhaeva*

## Non-conjunctive functions of the auxiliary speech verb ge- forms in the buryat language

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch  
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia  
E-mail: dnadezhda@mail.ru

**Abstract.** The article considers the non-conjunctive functions of grammaticalized infinite and finite forms from the verb of speech *ge-* 'to speak' in the Buryat language. The relevance of the study is determined by the extremely important role of the decendial verb both at the level of simple and complex sentences in the Mongolian languages. Since almost the entire system of conjunctions is based precisely on the infinite forms of this verb, conjunctive functions are studied first, and non-conjunctive functions remain in the shadows. The purpose of this article is to identify and describe previously unexplored non-conjunctive functions in forms formed from the service verb of speech. To achieve this goal, it was necessary to solve the following tasks: to study the works of scientists on the material of other Mongolian languages, to analyze the Buryat corpus material, to select and classify cases of non-conjunctive use of the infinite forms of the speech verb *ge-*. The material of the study was modern dictionaries and the original literary texts in the Buryat language, posted in the electronic Buryat corpus, as well as the results of a survey of native speakers. The research methods are linguistic observation, introspection, description, component analysis method, corpus analysis method. As a result, various directions of grammaticalization of the forms of the speech verb *ge-* were revealed: the inclusion of words, focus highlighting, marking a logical conclusion, attraction of attention, expressing emotions, the role of an auxiliary verb in analytical constructions. At the same time, infinite and finite forms often lose their connection with the original verb of speech *ge-*, grammaticalizing into various particles. In the center of the description are the two most grammaticalized particles *geeshe* and *gegshe*, formed from focus participles in *-AAšA* and *-gšA*. The non-conjunctive functions of these particles are determined by the meanings of their components: the verb of speech *ge-* and focus participles.

**Keywords:** Mongolian languages, Buryat language, morphology, syntax, grammaticalization, conjunctions, particles, decendial verb, non-union functions

**Acknowledgment:** The author is grateful to the informants and to Professor E.K. Skribnik for consultations and valuable comments.

*The research was carried out within the state assignment (project Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth, № 121031000258-9).*

For citation: Darzhaeva, N. B. Non-conjunctive functions of the auxiliary speech verb *ge-* forms in the buryat language / N. B. Darzhaeva // Vestnik of NEFU. 2022, No. 4(90). Pp. 78–88. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.96.63.009>

## Введение

О путях грамматикализации различных форм глагола речи *гэ-* 'говорить, сказать' в монгольских языках пишут многие исследователи [1–13]. Так, известный монголовед Г. Ц. Пюрбеев пишет следующее: «Речевой или дицендиальный глагол *гix* играет исключительно важную роль в синтаксической системе монгольских языков. Причастные и деепричастные формы этого глагола благодаря своей полисемантической способности выступать не только в функции связи частей сложноподчиненных предложений, но и в качестве служебных слов, выполняющих иные функции» [3, с. 212]. Как отмечает исследователь калмыцкого языка В. В. Баранова, «формы глагола *gi-* на синхронном уровне обладают неоднозначностью: в некоторых контекстах носители осознают исходную лексическую семантику глагола, тогда как в других часто опускают при переводе, т. е. глагол *gi-* 'говорить' воспринимается как частично десемантизированный...» [10, с. 11].

В бурятском языке как инфинитные, так и финитные формы этого глагола также имеют достаточно широкий спектр несоюзных функций, однако многие из них до сих пор остаются малоизученными – есть лишь разрозненные исследования отдельных функций: функция показателя подлежащего и сказуемого [14, с. 30–32; 225], роль вспомогательного глагола в аналитических конструкциях проспектива [4, 14–15]. В этой статье будут рассмотрены такие несоюзные функции грамматикализованных форм глагола речи *гэ-* ‘говорить’, как «включение слов», фокусное выделение слов, маркирование логического вывода, привлечение внимания, выражение эмоций, роль вспомогательного глагола в аналитических конструкциях. Материалом исследования послужили современные словари и тексты художественных произведений бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе (далее БК). Примеры, полученные от информантов, помечены сокращением (инф.).

### Функция «включения слов»

В бурятском языке одной из основных несоюзных функций для грамматикализованных деепричастных и причастных форм от глагола речи *гэ-* ‘говорить’ является функция так называемого «включения слов» [10] – введение собственных имен (личных имен, топонимов, названий объектов, художественных произведений и т. д.), как правило, в качестве приложений, но не только. Сюда же относится также введение в предложение идеофонов и заимствований.

1. Формы глагола *гэ-* используются как присоединительные частицы для включения имен собственных в качестве приложений [14, с. 224]. Главным образом это форма *гэжэ* – соединительное деепричастие на *-жа* от *гэ-*, затем форма многократного причастия на *-даг* (*гэдэг*), реже другие формы. Для калмыцкой формы *гигж*, аналогичной бурятскому *гэжэ*, Г. Ц. Пюрбеев также указывает функцию приименной частицы, которая связывает определяемое слово с его приложением [3, с. 214]. Бурятские примеры:

- (1) Горбачёв **гэжэ** ехэ ноён-оо тани-хаяа  
Г. рcl большой ноён-refl узнавать-cvb  
бол-ёо гү-т?  
перестать-рс прs q-2pl  
‘Вы перестали узнавать своего большого ноёна (начальника) по имени Горбачёв?’

(БК).

- (2) Мүнөө эдээл-ээд, Хяхагта**гэжэ** газар ошо-хо-бди  
сейчас есть-cvb Кяхта рcl место идти-рс.fut-1pl

‘Поев сейчас, поедем в местность под названием Кяхта’ (БК).

- (3) 1930 он-до Ага-да тон түрүүшын «Хамтын  
год-dat A.-dat очень первый совместный  
ажалша» **гэдэг** газета гара-жа эхил-ээ хэн  
работник рcl г. выходить-cvb aux-рс прs рcl  
‘В 1930 году в Аге начала выходить самая первая газета под названием «Колхозник»’

(БК).

Сюда же примыкает введение неассимилированных заимствованных слов, как отмечает В. В. Баранова, «... глагол *gi-* выполняет металингвистическую функцию сигнала чужой, иноязычной речи» [10, с. 14]. В бурятском языке такие заимствования оформляются так же, как и личные имена, сравним:

- (4) вайбер **гэжэ** юмэн биш бол-оо  
вайбер рcl вещь есть становиться-рс прs[3sg/pl]  
‘Появилась такая вещь, как вайбер’ (инф.).

Как видим, эта функция формы *гэжэ* еще близка ее основной роли изъяснительного союза, но грамматикализация пошла по несколько иному пути.

2. Глагол *гэ-* ‘говорить’ используется также для «включения», точнее, грамматического оформления так называемых «изобразительных слов», включающих в себя идеофоны

и «образные слова», т. е. звукоподражания и слова, передающие «зрительный образ предметов» [15, с. 186–187]. «Звукоподражательные слова в речи выступают только в сочетании со вспомогательным глаголом *гэхэ* ‘говорить’»; этот глагол теряет свое лексическое значение, но принимает на себя все морфологические показатели, необходимые для выражения синтаксических отношений [14, с. 334–5]. Образные слова, напр., *ялас* (характеристика чего-то быстрого, сверкающего типа молнии, см. 4), или *гүхэр-гүхэр* (о походке сутулого человека, [16, с. 167]) также используются с поддержкой глагола *гэ-*.

Сочетания таких слов с *гэ-* функционируют, как сложные глаголы, например, *хар-яр-гэ-* (букв. ‘говорить *хар-яр*’) > ‘грохотать’. В примерах (5, 6) глагол *гэ-* принимает форму, соответствующую сказуемому, финитному и инфинитному, в (7, 8) – обстоятельству образа действия:

(5) *Тии-гээд нэгэ-л ондоо-хон-оор нюдэн-шинь*  
 dist-cvb один-pcl другой-dim-ins глаз-poss3  
*ялас-гэ-бэ*

сверкать-pst[3sg/pl]

‘После этого как-то по-другому сверкнули его глаза’ (БК).

(6) ... *тэрэ дары үүдэн түрд-гэ-жэ буу-тай*  
 тот момент дверь скрипеть-cvb ружье-pror  
*хоёр-гурбан хүн оро-жо ерэ-бэ*  
 два три человек входить-cvb приходить-pst[3sg/pl]

‘В тот же момент скрипнула дверь и вошли два-три вооруженных человека’ (БК).

Пример с формой деепричастия возможности от глагола *гэ-*:

(7) *яб-гэ-мээр хубсал-жархи-хан лейтенант*  
 опрятноодеваться-intens-pc.pst л.

‘опрятно (или строго) одетый лейтенант’ (БК).

Сочетания идеофонов с формой предельного деепричастия от глагола *гэ-* ‘говорить, произносить’ – *гэ-тэр* выражают степень действия:

(8) *Зантуу-нь хар-яр-гэ-тэр газар-та уна-на*  
 котелок-poss3 с грохотом земля-dat падать-prs[3sg/pl]

‘Котелок его с грохотом упал на землю (букв. до такой степени, что раздался звук ‘*хар-яр*’) (БК).

Возникает вопрос о характеристике глагола *гэ-* в сочетаниях с образными словами. Их еще трудно назвать лексикализированными, т. е. речь еще не идет о словообразовании; роль *гэ-* близка скорее к роли вспомогательного глагола, тем более, что здесь еще сохранена свободная морфология, зависящая от синтаксической функции сочетания в целом. Таким образом, если в случае приложений и заимствованных имен формы глагола *гэ-* уже характеризуются как частицы, в случае образных слов однозначной характеристики дать нельзя.

3. С включением некоторых наречий и прилагательных образуются устойчивые сочетания со значением образа действия, например: *арай гэжэ*, *яахаб гэжэ* ‘кое-как, еле-еле’, *халтад гэхэдэ* ‘чуть что’:

(9) **Арай гэ-жэ** хоёр аяга хү ол-оо-б!  
 едва аух-cvb два чашка молоко находить-prs-lsg  
 ‘Кое-как нашел две чашки молока!’ (БК).

(10) **Намжал-яахаб гэжэ** бэе-э бари-ба  
 Н. q-prs.fut-pcl pcl тело-refl держать-pst[3sg/pl]  
 ‘Намжал кое-как сдержался’ (БК).

С прилагательным *хайн* ‘хороший’ глагол *гэ-* образует устойчивые сочетания, выражающие значение превосходной степени: *хайн гэ-дэг* ‘очень сильно, как следует, хорошенько’, *хайн гэ-тэр* ‘очень сильно, в высшей степени’, *хайн гэ-гшын* ‘очень сильно, как следует’. Пример:

|                   |        |         |                |         |       |
|-------------------|--------|---------|----------------|---------|-------|
| (11) Би           | мүнөө  | газаа   | тэрээ-ниие-шни | хайн    | гэдэг |
| я                 | сейчас | снаружи | он-acc-poss2sg | хороший | pcl   |
| хараа-гаа-б       |        |         |                |         |       |
| ругать-pc.prs-1sg |        |         |                |         |       |

‘Я сейчас как следует отругал его на улице’ (БК).

В рассмотренных конструкциях связь форм с исходным глаголом практически утратилась, а формы от глагола гээ- выступают как частицы.

Фокусные частицы на базе гээ-

Целая серия форм глагола гээ- грамматикализовалась в качестве частиц; многие из них представлены в Академической грамматике [14, с. 224–226] и в словаре К. М. Черемисова [16], но данные там описания функций либо очень кратки, либо недостаточны. В центре нашего внимания находятся две выделительные частицы, гээшэ и гээшэ – формы двух специфических причастий бурятского языка, которые в традиционных описаниях называют «постоянным» (-АашА) и «однократным» (-гшА). Как показали последние исследования, значение у этих причастий – характеристика действия/состояния, названного глагольной основой, не по ТАМ-характеристикам, а по доступу к знанию о нем: знание только говорящего (-гшА) либо же общее знание говорящего и слушающего (-АашА) [17]. Не случайно именно эти две формы легко грамматикализуются в качестве частиц.

Данные частицы могут оформлять именные члены предложения, обстоятельства и сказуемые; их функция – акцентирование, фокусирование полнозначного слова или словосочетания, логический вывод, выражение эмоции.

*Сочетания с именными членами предложения*

*Сочетания с подлежащим и дополнениями*

Частицу гээшэ, форму фокусного причастия общего знания, называют «показателем подлежащего и сказуемого», частицей «подтверждения с нейтральной или иронической окраской» [14, с. 30–32; 225] или служебным словом со значением ‘значит, следовательно, стало быть, ведь и т. п.’ [18, с. 243].

Функция этой частицы – выделение, фокусирование слова или словосочетания, которое она сопровождает. Ее значение складывается из значений своих составляющих: глагол гээ- указывает на название, именование чего-то (часто под новым углом зрения), причастие на -АашА подчеркивает, что речь идет об «общем знании» (именно то, о чём мы говорили / что мы вместе наблюдали / что является общеизвестным); поэтому она может оформлять указательные местоимения, отсылающие к уже известному элементу контекста (13). Как показывает корпусный материал, эта частица сопровождает разные именные члены предложения, а не только подлежащее, как описывалось в грамматиках, а также обстоятельство. Маркеры категории падежа, соответствующего синтаксической функции, а также числа и принадлежности в таких сочетаниях принимает не полнозначное слово, а частица [ср. 14, с. 41]. В примере (12) представлено подлежащее, в (14) – прямое дополнение в винительном падеже, в (15) – косвенное дополнение в дательном-местном падеже.

|             |       |      |     |      |
|-------------|-------|------|-----|------|
| (12) Ульгэр | гээшэ | үхэр | мал | бэшэ |
| сказка      | pcl   | скот |     | neg  |

‘Улигеры (именно то, о чем мы сейчас говорим) – это (вам) не скот (т. е. рассказывать улигеры труднее, чем пасти скот)’ (БК);

|          |       |    |                 |          |        |
|----------|-------|----|-----------------|----------|--------|
| (13) Энэ | гээшэ | гү | Аг-ын-тнай      | гоё      | гурим? |
| этот     | pcl   | q  | Ага-gen-poss2pl | красивый | обычай |

‘И (именно) это (всем известно, о чем идет речь) вот ваш Агинский славный обычай?’ (БК);

|           |            |           |         |                         |
|-----------|------------|-----------|---------|-------------------------|
| (14) һара | бүхэн-дэ   | стипенди  | гээш-ые | аба-даг                 |
| месяц     | каждый-dat | стипендия | pcl-acc | получать-pc.hab[3sg/pl] |

(На что он живет в городе?) ‘Каждый месяц получает стипендию ведь (все знают, что студенты получают стипендию)’ (БК);

(15) *Зун гэгшэ-дэ та этигэ-дэг гү-т?*  
предчувствие pcl-dat вы верить-рс.hab q-2pl

‘Вы верите (своему) чутью? (участники диалога ведут поиск по следам и обсуждают свои интуитивные догадки) (БК).

Примеры типа (14) и (15) достаточно редки, видимо поэтому в грамматиках эту частицу называют именно показателем подлежащего.

Вторая рассматриваемая частица *гэгшэ* ‘так называемый, тот самый; что называется’ – это форма фокусного («однократного») причастия на *-гшА* от вспомогательного глагола говорения *гэ-*. Поскольку фокус у *-гшА*, в отличие от *-ААшА*, базируется не на общем знании, а только на знании говорящего, с подлежащим она не сочетается (подлежащее обычно называет данное/тему, т. е. связано с общим знанием). Соответственно, *гэгшэ* чаще всего употребляется при первом введении лиц в текст, принимая на себя показатели нужных по функции падежей.

Проиллюстрируем конструкции с прямым дополнением (16), с косвенным дополнением (17):

(16) *Тиигээд өөр-тэй-нь суг ерэ-лсэ-һэн*  
затем сам-сoм-poss3 вместе приходит-сoс-рс.pst  
«Буряад-ай һонин» газет-ын корреспондент — һүүзэгэр  
Бурятия-ген новость газета-ген к. долговязый  
*ута бэе-тэй ...*  
длинный тело-ргоp  
*Жорж Дампилон гэгш-ые мяхалиг долёобор*  
Ж. Д. рcl-асс мясистый указательный *хург-аар-аа*  
*занга-н дууда-ба.*  
палец-ins-refl сигнализировать-cvb звать-pst[3sg/pl]

‘Затем, сделав знак мясистым указательным пальцем, (он) подозвал вошедшего вместе с ним корреспондента газеты «Новости Бурятии» – долговязого Жоржа Дампилон (вводится важный новый персонаж, до сих пор читателю неизвестный)’ (БК);

(17) *Хумбаа Дагба гэгшэ-дэ һэжэг түрэ-һэн*  
Х. Д. рcl-dat подозрение рождать-рс.pst

*бай-гаа-б*  
aux-рс.prs-1sg

‘(Я) заподозрил Хумба Дагбу (букв. я породил подозрение к Хумба Дагбе; вводится новый персонаж)’ (БК).

Сочетания с обстоятельствами

С прилагательными в обстоятельственной функции встречена только частица *гэгшэ*, форма фокусного причастия на *-гшА*. Фокусное выделение некоторой характеристики способствует развитию значения ‘очень, самый’, например:

(18) *Үглөөгүүр эртэ гэгшэ гара-ха-бди*  
утром рано рcl выходит-рс.fut-1pl

‘Утром будем выезжать очень рано’ (БК).

Частица *гэгшэ* в орудном падеже (*гэ-гш-ээр*) в сочетании с прилагательными выражает высшую степень действия:

(19) *Теэд үхибүү-д-ни бүхэ гэгшээр нойрсо-*  
*һон но ребенок-pl-poss1sg крепкий рcl спать-*  
*рс.pst зандаа*  
pstp

‘Но дети-мои все еще спят крепко-накрепко (букв. что называется, крепкий)’ (БК);

(20) ... шанга *гэгшээр* найтаа-жархи-на

сильный                      pcl                      чихать-intens-prs[3sg/pl]  
 ‘... очень громко чихнул (букв. что называется, сильный)’ (БК).

В этом случае аффикс орудного падежа, служащий также для образования наречий от имен прилагательных (шанг-аар ‘громко’), оформляет частицу. К. М. Черемисов рассматривал ее как «послелог при обстоятельственных словах, обозначающих признак действия» [16, с. 167]. В этих конструкциях связь частиц с исходным глаголом ощущается слабее.

Частицы, оформляющие сказуемое

Частиц на базе гээ-, оформляющих сказуемое, в бурятском языке немного: самая частотная из них – фокусная общего знания гээшэ, затем частицы подтверждения гэхэ, гэжэ и оценочная частица гэхээр [14, с. 225]. Что касается второй фокусной частицы, гэгшэ, то она со сказуемым не сочетается. Остановимся подробнее на частице гээшэ: по итогам нашего исследования, сопровождая сказуемое, она показывает, что речь идет о заключительном высказывании, подводящем итог разговора или наблюдения, выражая значение типа ‘можно сказать, что X, и мы все это уже знаем’, сравним:

(21a) Аба-мни                      ер-ээ!  
       отец-poss1sg    приходит-рс.prs  
       ‘Отец-мой пришел!’ (инф.);

(22b) Аба-мни                      ер-ээ                      гээшэ!  
       отец-poss1sg    приходит-рс.prs                      pcl  
       ‘Значит, отец-мой пришел!’ (инф.).

В первом примере приведено простое сообщение о факте, особого контекста не требующее; второй пример – это завершение обсуждения (с другими) или рассуждения с логическим выводом; ср. пример (23), где представлена инференция на основе внешних признаков:

(23) Хара    набтар-хан                      богоһ-ые                      арай\_гэжэ                      алха-жа  
 черный низкий-dim    порог-асс    еле-еле перешагивать-cvb  
 ор-оо-л                      хаш.    Нэгэ аймшагтай юумэн    зүрхэ    входит-рс.prs-pcl  
 pcl    один    страшный    вещь                      сердце  
 сэдхэл-ы-нь дара-жа                      бай-на-л                      гээшэ                      ха  
 душа-асс-poss3    нажимать-cvb    aux-prs-pcl    pcl                      pcl  
 ‘Вошел, кажется, с трудом перешагнув низенький черный порог. Значит, что-то страшное гнетет его душу’ (БК).

Оформляя именные сказуемые, частица с фокусным значением выполняет функцию акцентирования, привлечения внимания:

(24) Энэ    минии    бэлэг                      гээшэ  
       этот    мой                      подарок pcl  
       ‘Вот это мой подарок (а не что-то другое)’ (БК).

Со сказуемыми-прилагательными частица гээшэ может дополнительно усиливать разноплановые эмоции за счет фокусирования качественной характеристики. Большую роль при этом играет интонация, что на письме отражается знаками препинания (восклицательный знак).

(25) Гоё                      гээшэ-нь!  
       красивый                      pcl-poss3  
       ‘Какой красивый! (усиление эмоции восхищения)’ (БК);

(26) Хүйтэн    гээшэ-нь!  
       холодный                      pcl-poss3  
       ‘До чего холодно!’ (усиление эмоции возмущения) (БК).

Такой эффект может наблюдаться и с глагольными сказуемыми, при этом усиление эмоции сочетается со значением логического вывода:

(27) Хара-һан                      лэ                      хүн-д-өө                      наадал-уул-ха

видеть-*pc.pst* *pcl* человек-*dat-refl* шутить-*caus-pc.fut*  
саг ерэ-бэ гээшэ гү?  
время приходит-*pst* *pcl* q  
‘Неужели пришло время подвергаться шуткам каждого встречного?’ (усиление эмоции удивления) (БК).

Говоря о средствах выражения и усиления эмоциональности в бурятском языке, необходимо подчеркнуть, что роль глагола *гэ-* здесь весьма значима и разнопланова. Выше уже говорилось об использовании его форм для выражения усиления качественных характеристик (2.1.2); далее одно из специализированных средств выражения эмоционального отношения строится на сочетании инфинитных форм глагола *гэ-* с вопросительным словом *юун* ‘что’ – *юун-эй*, *юун-ш гэ-һэн*, *юун-(шьё) гэ-ээшэ-б* и т.п. Примеры:

(28) *Юун гэһэн аймшагтай юм!*  
q *pcl* опасный *pcl*  
‘Как же опасно!’ (БК);

(29) *Юун-шьё гээшэб даа, энэ наһа-мнай...*  
*pcl-pcl pcl pcl* этот жизнь-*poss1pl*  
‘Ну что за штука, наша жизнь...’ (БК).

Интересно проследить базу грамматикализации/лексикализации таких специализированных фразеологизованных сочетаний. Судя по корпусному материалу, роль глагола *гэ-* в выражении эмоциональности строится на следующем приеме: он вводит в качестве обстоятельственного придаточного внутреннюю прямую речь говорящего/персонажа, называющую некоторое действие/событие как следствие высокой интенсивности главного действия:

(30) *Хул бай-на-л гэ-жэ гүй-нэ гээшэ-б*  
нога быть-*prs-pcl* aux-*cvb* бегать-*prs* *pcl-1sg*  
‘Вот, значит, бегаю со всех ног (букв. ноги есть, говоря)’ (БК);

(31) *Бол-ёо-бди гэ-тэр-ээ эдээл-ээ-бди*  
перестать-*pc.prs-1pl* aux-*cvb-refl* кушать-*pc.prs-1pl*  
‘(Мы) наелись досыта (букв. до такой степени, что сказали, мол, мы больше не будем’ (инф.).

В таких конструкциях еще ощущается связь с исходным глаголом речи, хотя круг допустимых в них предикаций уже ограничен, если не фразеологизован.

### Роль вспомогательного глагола в многозначной аналитической конструкции

Глагол речи *гэ-* широко используется в роли вспомогательного глагола в аналитических конструкциях разной семантики. Некоторые из них уже достаточно хорошо описаны, например, аналитические цепочки проспектива (*-хА гэ-*), ослабленного действия (*-д гэ-*) [5, с. 147-148], митаривности (*-н гэ-*) [13].

Рассмотрим здесь ранее не анализировавшуюся, но упоминавшуюся в словаре К. М. Черемисова [16, с. 174] конструкцию *-хА-дал гэ-*; он дает перевод ‘кажется, что...; представляется, что...; чуть было не...; словно, будто’, указывает, что возможен перевод с помощью русского ограничительного суффикса *-оват-* ‘становится страшновато’) и приводит три примера.

Корпусный материал показывает, что эта многозначная конструкция имеет, по крайней мере, четыре значения: это значение неуверенности (сомнения) говорящего относительно описываемого положения дел (32), ослабленного действия ‘едва, чуть-чуть, немного’ (33), прерванного действия ‘начал было..., но’ (34) и ирреальности ‘словно, как будто’ (35). Примеры:

(32) *Доржо тэрэ-л үг-ые-нь дахин дахин*  
Д. тот-*pcl* слово-*acc-poss3* снова снова

- дуула-ха-дал      гэг-гшээ      hэн      pcl  
 слышать-рс.fut-pcl      aux-рс.foc     pcl  
 ‘Доржо казалось, что он снова и снова слышит именно то его слово’  
 (БК);
- (33) Сэрэнцүү-гэй      нюур-ынь      халуу      бусал-ха-дал      гэг-бэ  
 C.-gen      лицо-poss3      жар      кипеть-рс.fut-pcl      а у х -  
 pst[3sg/pl]  
 ‘Лицо Сэрэнцу немного покраснело’ (букв. немного обдало жаром)  
 (БК);
- (34) Доржо гэр-т-ээ      оро-хо-дол      г-ээд,      саашаа  
 Д. дом-dat-refl      входит-рс.fut-pcl      aux-cvb      прочь  
 яба-ша-ба  
 идти-intens-pst[3sg/pl]  
 ‘Доржо начал было заходить в дом, но ушел прочь’ (инф.).
- Такая конструкция со значением эпистемической модальности может усиливать субъективный, ирреальный план в тексте для создания образных картин:
- (35) Баторов-ай      үхэн-уинь      үрзы-н  
 Б. -gen      волосы-poss3      лохматиться-cvb  
 бодо-шо-хо-дол      гэг-нэ  
 вставить-intens-рс.fut-pcl      aux-prs[3sg/pl]  
 ‘Волосы у Баторова как будто встали дыбом’ (БК).
- В этой аналитической конструкции рассматриваемые формы совершенно утратили связь с глаголом речи гэг-.

### Заключение

Итак, наше исследование подтверждает распространенный тезис о том, что формы дицендиального глагола гэг- ‘говорить’ играют важную роль в синтаксической системе монгольских языков. В ходе анализа бурятских конструкций с инфинитными и финитными формами от этого глагола были выявлены основные случаи их несоюзного употребления, причем здесь мы старались представить малоисследованные направления их грамматикализации. В подавляющем большинстве случаев грамматикализованные формы уже демонстрируют слабую связь с исходным глаголом, превратившись в частицы с разнообразными функциями. Результаты исследования существенно дополняют представление о морфосинтаксических возможностях глагольных форм на базе дицендиального глагола. Было бы интересно проследить направления грамматикализации этих форм в сопоставлении с другими монгольскими языками, тем более, подобная работа уже появилась на базе другого распространенного глагола боло- ‘становиться, делаться, быть’ [19].

### Принятые сокращения

V – глагол, глагольная основа  
 PST – прошедшее время  
 AUX – вспомогательный глагол  
 FUT – будущее время  
 GEN- родительный падеж  
 ACC – винительный падеж  
 DAT – дательный-местный падеж  
 ABL – исходный падеж  
 INS – орудный падеж  
 COM – совместный падеж  
 SG – ед. число  
 DIM – уменьшительный суффикс  
 SOC – совместный залог

INTENS – интенсивное действие  
 PRS – настоящее время  
 CAUS – каузатив  
 ADJ – прилагательное  
 PCL – частица  
 PSTP – послелог  
 REFL – притяжание  
 POSS – личн. притяжание  
 CVB – деепричастие  
 PC – причастие  
 PL – мн. число  
 PROP – проприатив (обладание чем-л.)  
 FOC – фокусное причастие

### Л и т е р а т у р а

1. Санжеев, Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка / Г. Д. Санжеев. – Улан-Удэ : Бургиз, 1940. – 130 с.
2. Пюрбеев, Г. Ц. Семантика и синтаксические функции глагола гих в современном калмыцком языке / Г. Ц. Пюрбеев // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – Москва : Наука, 1976. – С. 95-103.
3. Пюрбеев, Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка : Синтаксис / Г. Ц. Пюрбеев. – Элиста : КИГИ РАН, 2010. – 298 с.
4. Скрибник, Е. К. Бурятские полипредикативные конструкции с показателем гэжэ / Е. К. Скрибник // Показатели связи в сложном предложении. – Новосибирск : ИИФиФ, 1987. – С. 35-41.
5. Скрибник, Е. К. Скрепя гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях / Е. К. Скрибник // Сибирский филологический журнал, 2015. – № 2. – С. 36-43.
6. Song, J.-M. Grammaticalization of the verb *ge-* 'to say' in Khalkha Mongolian. In: *Ōsaka keizai hōka daigaku sōgō kagaku kenkyūsho nenpō*. Osaka University of Economics and Law, Osaka. Vol. 3, pp. 29–38.
7. Hashimoto, K. (2004) Metarepresentational Motivation: The Grammaticalization of the Verb of Saying *ge-* in Mongolian // *Tsukuba English studies*. Vol. 22. University of Tsukuba, Tsukuba. P. 35-49.
8. Князев, М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // С. С. Саи́, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ред.) // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – Т. V. – Ч. 2. – С. 525-580.
9. Street, J. C. (2013) *On Quotation in Middle Mongolian: The verb ke(m)e- 'to say.'* The Mongolia Society. Occasional paper 27, Bloomington, 92 pp.
10. Баранова, В. В. Переключение кодов и заимствования как чужая речь : маркирование русских элементов в калмыцком языке / В. В. Баранова // Урало-алтайские исследования, 2015. – №3 (18). – С. 7-18.
11. Baranova, V. (2015) *Grammaticalization paths of the verb gi- 'say' in Kalmyk*. Mongolica Pragensia. Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No 2. Pp. 57-76.
12. Brosig, B. (2021). *Expressing intent, imminence and ire by attributing speech/thought in Mongolian*. Folia Linguistica, 55(2), pp. 433-483. Mouton de Gruyter 10.1515/flin-2021-2010.
13. Даржаева, Н. Б. Скрепя от глагола речи гэ- как база для образования новых полипредикативных конструкций в бурятском языке / Н. Б. Даржаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета, 2020. – № 5 (79). – С. 46-56.
14. Бертагаев, Т. А. Грамматика бурятского языка : Синтаксис /Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев / Москва : Восточная литература, 1962. – 316 с.
15. Шагдаров, Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова) / Л. Д. Шагдаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. –192 с.
16. Бурятско-русский словарь (под ред. К. М. Черемисова). – Москва : Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
17. Скрибник, Е. К. Бурятские «однократное» и «постоянное» причастия в типологической перспективе / Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева // Вопросы языкознания, 2022. – № 3. – С. 132–154.
18. Скрибник, Е. К. Грамматика бурятского языка : Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения т. I. / Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 315 с.
19. Лиджиева, Л. А. Некоторые пути грамматикализации глагола болох / болохо / болха / болх 'становиться, делаться; быть' в монгольских языках / Л. А. Лиджиева, Ц. Ширэн, Н. Б. Бадмацыренова // Oriental Studies. – 2020. – № 13(6). – С. 167-169. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691>.

### R e f e r e n c e s

1. Sanzheev, G. D. Buryat-Mongol language syntax / G. D. Sanzheev – Ulan-Ude: Burgiz, 1940. – 130 p.
2. Pyurbееv, G. C. Semantics and syntactic functions of the verb “gikh” in the modern Kalmyk language

/ G. Ts. Pyurbееv // Issues of grammar and lexicology of the modern Kalmyk language. – Moscow: Nauka, 1976. – p 95-103.

3. Pyurbееv, G. C. Kalmyk language grammar : Syntax / G. C. Pyurbееv – Elista: KIGI RAN, 2010. – p 298.

4. Skribnik, E. K. Buryat polypredicative constructions with the indicator gezhe / E. K. Skribnik // Indicators of connection in a complex sentence. – Novosibirsk: IIFIF, 1987. – p. 35–41.

5. Brace gezhe in Buryat emotive constructions / E. K. Skribnik // Siberian Journal of Philology, 2015. – No. 2. – P. 36–43.

6. Song, J.-M. Grammaticalization of the verb ge- ‘to say’ in Khalkha Mongolian. In: Ōsaka keizai hōka daigaku sōgō kagaku kenkyūsho nenpō. Osaka Univesity of Economics and Law, Osaka. Vol. 3, pp. 29–38.

7. Hashimoto, K. (2004) Metarepresentational Motivation: The Grammaticalization of the Verb of Saying ge- in Mongolian // Tsukuba English studies. Vol. 22. University of Tsukuba, Tsukuba. R. 35–49.

8. Knyazev, M.YU. Sentential additions in the Kalmyk language // S. S. Sai, V. V. Baranova, N. V. Serdobolskaya (eds.) // Studies in the grammar of the Kalmyk language. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. – St. Petersburg: Nauka, 2009. – T. V. – Part 2. – p. 525–580.

9. Street, J. C. (2013) On Quotation in Middle Mongolian: The verb ke(m)e- ‘to say.’ The Mongolia Society. Occasional paper 27, Bloomington, 92 pp.

10. Baranova, V. V. Code switching and borrowings as a foreign tongue: marking Russian elements in the Kalmyk language / V. V. Baranova // Ural-Altai studies, 2015. – No. 3 (18). – pp. 7–18

11. Baranova, Vlada (2015) Grammaticalization paths of the verb gi- ‘say’ in Kalmyk. Mongolica Pragensia. Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No 2. Pp. 57–76.

12. Brosig, Benjamin (2021). Expressing intent, imminence and ire by attributing speech/thought in Mongolian. Folia Linguistica, 55(2), pp. 433–483. Mouton de Gruyter 10.1515/flin-2021-2010.

13. Darzhaeva, N. B. Braces from the speech verb ge- as a basis for the formation of new polypredicative constructions in the Buryat language / N. B. Darzhaeva // Bulletin of the North-Eastern Federal University, 2020. – No. 5 (79). – P. 46–56.

14. Bertagaev, T. A. Grammar of the Buryat language: Syntax / T. A. Bertagaev, Ts. B. Tsydendambaev / Moscow: Eastern Literature, 1962. – 316 p.

15. Shagdarov, L. D. Problems of the new academic grammar of the Buryat language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, state category words, figurative words) / L. D. Shagdarov. – Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 192 p.

16. Buryat-Russian Dictionary (under the editorship of K. M. Cheremisov). – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1973. – 804 p.

17. Skribnik, E. K. Buryat “single” and “constant” participles in a typological perspective / E. K. Skribnik, N. B. Darzhaeva // Issues of linguistics, 2022. – No. 3. – P. 132–154.

18. Skribnik, E. K. Buryat language grammar: Syntax of a complex (polypredicative) sentence vol. I. / E. K. Skribnik, N. B. Darzhaeva. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2016. – 315 p.

19. Lidzhieva, L. A. Some ways of grammaticalization of the verb bolokh / bolokho / bolkha / bolkh ‘become, to be’ in Mongolian languages / L. A. Lidzhieva, Ts. Shimen, N. B. Badmatsyrenova // Oriental Studies. – 2020. – No. 13(6). – p. 167–169. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691>

---

ДАРЖАЕВА Надежда Баировна – д. филол. н., с. н. с. отдела языкознания, Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

E-mail: dnadezhda@mail.ru

DARZHAeva Nadezhda Bairovna, Doctor of science, senior research associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS).